

«Русская мысль»

МИР ИСКУССТВА

Я не знаю, как остановить войну. Ее легко начать и очень сложно закончить. Как легко убить человека, чем его полюбить. Но мы должны попробовать.

Из комментария С.Бодрова к «Кавказскому пленнику»

«Не верьте пехоте, когда она brave песни поет...»

Интервью с Сергеем Бодровым, режиссером-постановщиком фильма «Кавказский пленник», и Сергеем Бодровым-младшим, исполнителем главной роли

«Кавказский пленник» Сергея Бодрова, показанный в Каннах в рамках программы «Пятнадцать режиссеров», кажется, подтверждает старую истину: чтобы быть интересным другим, нужно оставаться самим собой. Не боюсь повториться. Первое, самое сильное впечатление от «Кавказского пленника»: он сделан с достоинством, несуетно, не в угоду моде или коммерции. Фильм о чеченской войне, снятый русским режиссером, который с достоинством относится и к своему народу, и к другому. Оба — равновелики, за каждым своя история, своя правда, своя красота. И каждый по-своему эту историю и эту красоту отстаивает. И каждый прав. В этом — трагедия. «Кавказский пленник», как явствует из названия, навеян повестью Толстого: старый чеченец берет в плен двух русских солдат и держит их пленниками в маленьком горном ауле. Хотя интонация в фильме совсем иная.

В повести Толстого горцы — дикари, враги, к ним ничего, кроме отвращения и ненависти, русскому человеку испытывать нельзя. Иван Жилин — образ идеализированный, почти былинный богатырь, горцы (за исключением девочки Дины, которая помогает Жилину бежать) подобны Змею Горынычу. В фильме Абдул-Мурат — личность значительная. Статный, сильный, красивый человек, вызывающий уважение. И берет он русских в плен не для того, чтобы получить выкуп, а с тем, чтобы обменять на своего сына, пленника русской армии. Короче говоря, создатели фильма отрекаются от раннего Толстого, следуя скорее размышлениям Толстого позднего о войне и мире: зачем люди продолжают враждовать, когда есть над ними «высокое небо Аустерлиц»?

Мой первый вопрос Сергею Бодрову:

— Как возникла идея этого фильма?

— Мы не хотим делать вид, что все возникло на пустом месте. Что такое «Кавказский пленник»? Это Пушкин, Лермонтов, Толстой, замечательное стихотворение Арсения Тарковского. Вообще русские на Кавказе — очень интересная тема. Но вы знаете, когда мой бывший студент, а теперь партнер, сценарист Борис Гиллер предложил этот сюжет, Чечни еще не было и в помине. Мне хотелось сделать универсальную историю, которую можно было бы снимать на Корсике, в Индии, или, скажем, в Мексике.

— Но тут вмешалась драматургия жизни...

— Да, в этот момент началась война в Чечне, и мы решили снимать фильм на Кавказе. У Толстого мы взяли в основном имена героев, некоторые коллизии — побег, влюбленность Дины в Жилина, на этом сходство кончается. Толстой писал о том, как чеченцы берут русских в плен, чтобы продать. Вообще чеченец для Толстого, как и для Лермонтова, — обязательно с эпитетом «злой». Я сегодня не могу себе позволить такую трактовку. Мы придумали обмен. К тому же роль Ивана Жилина исполняет мой собственный сын, и это дополнительное обстоятельство придает очень личностный характер происходящему. У меня сын в плену, у тебя сын в

плену. Давай попробуем что-нибудь сделать. Мы не доверяем друг другу, мы не любим друг друга — это очень трудно. Если убили моего сына, я должен убить твоего. Законы войны, от них никуда не деться. Но я хотел сделать все же гуманную картину — надо попробовать нарушить эти законы, только этим можно остановить войну. Абдул-Мурат в моем фильме отпускает Ивана. Потому что, к сожалению, в таких войнах никто не побеждает.

— Мне кажется, это самое интересное в вашем фильме — две правды. Есть правда Сашки (Олег Меньшиков), правда солдата, считающего, что он воюет за свою родину, как он ее понимает,

му не чужда патриотическая идея, не случайно он эмоционально во многом держится на русских военных маршах — «Прощание славянки», «На сопках Манчжурии», а Сашке вы даете одну из самых трогательных песен Великой Отечественной — «Синий платочек». Не говоря уже о том, что на роль Сашки вы пригласили Олега Меньшикова, актера, я бы сказала, «легендарного обаяния», который играет очень русский характер...

— (Улыбается). Я не отказываюсь, это русская картина...

— И вы как русский режиссер ощущаете чувство вины за то, что происходит в Чечне?

— Ну, вы знаете, это универ-

сую нас вечность, не мог не удивляться, почему происходят здесь все эти низости...

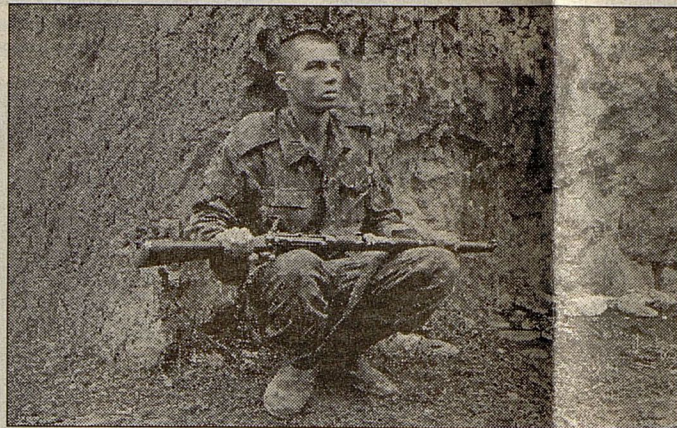
— Дагестанский аул, который вы снимали, поражает. Такое ощущение, что все здесь сохранилось, как в XIX веке.

— Это не XIX век, это XV-й! Ничего нет от современной цивилизации, кроме телевизора, даже водды нет, и женщины таскают на себе сено, как сотни лет назад. Мы жили в домах, ели, спали так же, как они. И через две недели не выдержали — все начали болеть.

— А как в ауле относились к вашей съемочной группе?

— Замечательно относились. В этом ауле живут в основном пастухи. Простая жизнь, простые понятия о том, что хорошо и что плохо. У нас были нормальные человеческие взаимоотношения. Конечно, они чувствуют себя так или иначе втянутыми в этот конфликт, хотя бы потому, что они полностью изолированы от мира: невозможно туда ни проехать, ни выехать. А раньше туда приезжали отдыхать туристы, и это был один из основных источников дохода. Какой сумасшедший туда сейчас поедет...

— Кто вам рассказывал о реалиях войны? У вас были консультанты?

Иван Жилин — Сергей Бодров-младший.

Абдул-Мурат — Джемаль Сихарулидзе.

и есть правда Абдул-Мурата. В том достоинстве, с которым он себя ведет, в самом выборе величественной фигуры актера — Джемали Сихарулидзе...

— Да, конечно, именно так...

— Так же, как не случайно сын чеченца, который сидит в русской тюрьме, — не мафиози, не дикарь, как его обычно трактует русская пропаганда. Вы показываете его мелком, но этого достаточно, чтобы запомнить его прекрасное, одухотворенное лицо, лицо интеллигента. И профессия у него особая — он учитель. В общем, он не менее симпатичен зрителю, чем Иван Жилин, которого играет ваш сын. Это придает трагический характер конфликту. Трагическая безысходность. Оттого такая захлестывающая эмоция. Как это разрешить? В Каннах зрители выходили после просмотра потрясенные...

— Сейчас, одновременно с Каннами, начались первые просмотры в России, и я просто счастлив тем, что слышал от мусульманских зрителей. В Татарстане, например, они вначале даже слышать не хотели об этой картине, думали, что это будет что-то прорусское. А теперь они хотят эту картину купить и у себя показывать. Ну, а русский зритель... Знаете, русский зритель просто плачет...

— Одновременно вашему филь-

сальная история, она могла произойти везде.

Хотя, конечно, когда большая страна воюет против маленькой, у большой страны и ответственности больше. Даже если обе стороны правы или неправы — у большой страны всегда исторически больше ответственности, и она должна сделать первые шаги к миру.

— То есть у вас нет некоего имперского комплекса, что вот, мол, мы теряем то, что наши предки завоевывали потом и кровью?

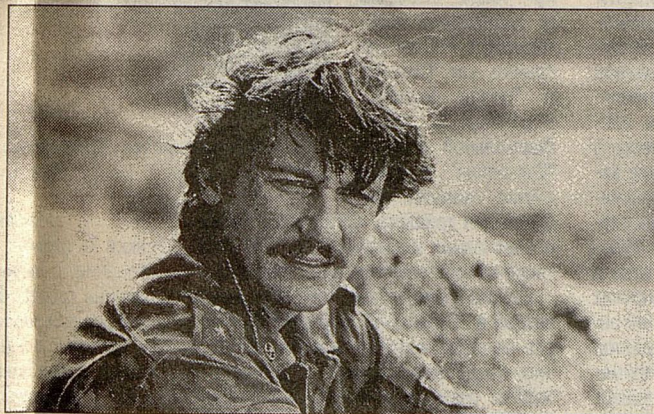
— У меня нет этого ощущения, потому что все империи рано или поздно разваливаются. И теперь это случилось с нашей. Это историческая неизбежность.

— Как бы вы очертили границы — что для вас собственно Россия?

— Знаете, мне повезло. В отличие от многих русских, которые родились в странах, которые теперь больше не Россия, я родился в России, на Дальнем Востоке. Но все равно для меня Россия — это мои друзья, кладбище, где похоронена мама, то есть то, что я могу сохранить вне зависимости от географии.

— Камера Петра Лебедева снимает пейзажи Кавказа, словно любуются постоянно...

— Но это потрясающей красоты место! И я действительно, глядя на эти горы, на окружа-

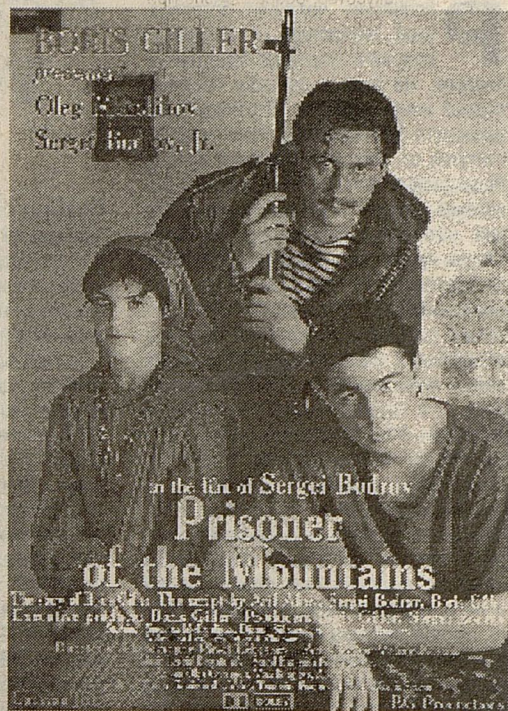

Саша — Олег Меньшиков.

— Но мы ведь не снимали фильм про военные действия! Реальность для меня — это люди. Это для меня самое главное. Хотя у нас были, конечно, военные консультанты.

— Ваш фильм в Каннах, судя по всему, прошел очень хорошо. (Это интервью делалось до того, как стало известно, что «Кавказский пленник» получил две премии.) Получили ли вы интересные предложения о сотрудничестве?

— Много предложений, и здесь, в Каннах, в том числе. Честно говоря, мне все равно, где снимать. В Америке работал и знаю, что я там могу снимать. Одну историю хорошо снять в Китае, другую — в Америке, третью — в России. Все зависит от того, как сложится. Например, у меня сейчас есть маленькая история про цирковых актеров. Я очень люблю цирк. Сейчас практически в каждом цирке есть русские актеры. В американском цирке, в самом большом, — половина русских актеров, в канадском цирке — Слава Полунин. Так что можно сделать фильм, в котором будут заняты и русские, и американцы, и итальянцы. Я люблю универсальные истории...

Сергей Бодров уже несколько лет живет между Москвой и Венецией. Его сын — Сергей Бодров-младший живет в Москве, заканчивает диссертацию по венецианской живописи эпохи Возрождения на искусствоведческом факультете московского университета. Впрочем, зритель «Кавказского пленника» вряд ли догадывается, что Сергей — не профессиональный актер и что это его первая роль в кино, настолько полно переживается им роль Ивана Жилина.

— Как случилось, что вы пришли в этот фильм?

— Честно говоря, я был очень удивлен, когда отец позвонил и предложил мне эту роль. Но почему-то я очень нагло согласился. Потом все оказалось труднее, чем я мог себе представить. Конечно, мне очень помог Олег Меньшиков. Это было для меня очень счастливое партнерство. Но все равно у меня ведь никаких актерских навыков и техники нет. Мне пришлось все лично, эмоционально переживать.

— А почему? Что значит эмоционально переживать? Вас эта тема лично затронула? Вы сочувствуете герою? Вы ставите себя в подобную ситуацию? У вас свое личное отношение к чеченской войне?

— Да, конечно. Одно дело, когда читаешь газеты, смотришь репортажи по телевизору, и совсем другое дело, когда сталкиваешься лично. До отъезда на съемки мы встречались с ранеными в госпитале. Они нам что-то рассказывали. Но дело даже не в этом. Просто когда видишь этих молодых ребят, безногих, безруких, естественно, начинаешь ощущать свою ответственность. Какое может быть у меня отношение к этой войне? Как у любого нормального человека — это ужасно, грязно, безумие.

— То есть вы бы не пошли, как ваш напарник по фильму, которого играет Меньшиков, воевать за русскую идею в Чечню?

— Нет, я бы ни за какую идею туда воевать не пошел...

P.S. С Олегом Меньшиковым встретиться не удалось по причине его отсутствия на фестивале в Каннах: по словам пресс-атташе «Кавказского пленника», он был занят исключительно сложными переговорами, связанными с его участием в новом фильме Спилберга.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Канны—Париж

Я не знаю, как остановить войну. Ее легко начать и очень сложно закончить. Как легче убить человека, чем его полюбить. Но мы должны попробовать.

Из комментария С.Бодрова к «Кавказскому пленнику»

«Не верьте пехоте, когда она brave песни поет...»

Интервью с Сергеем Бодровым, режиссером-постановщиком фильма «Кавказский пленник», и Сергеем Бодровым-младшим, исполнителем главной роли

«Кавказский пленник» Сергея Бодрова, показанный в Каннах в рамках программы «Пятнадцать режиссеров», кажется, подтверждает старую истину: чтобы быть интересным другим, нужно оставаться самим собой. Не боюсь повториться. Первое, самое сильное впечатление от «Кавказского пленника»: он сделан с достоинством, несуетно, не в угоду моде или коммерции. Фильм о чеченской войне, снятый русским режиссером, который с достоинством относится к своему народу, и к другому. Оба — равновелики, за каждым своя история, своя правда, своя красота. И каждый по-своему эту историю и эту красоту отстаивает. И каждый прав. В этом — трагедия. «Кавказский пленник», как яствует из названия, навеян повестью Толстого: старый чеченец берет в плен двух русских солдат и держит их пленниками в маленьком горном ауле. Хотя интонация в фильме совсем иная.

В повести Толстого горцы — дикари, враги, к ним ничего, кроме отвращения и ненависти, русскому человеку испытывать нельзя. Иван Жилин — образ идеализированный, почти библейский богатырь, горцы (за исключением девочки Дины, которая помогает Жилину бежать) подобны Змею Горынычу. В фильме Абдул-Мурат — личность значительная. Статный, сильный, красивый человек, вызывающий уважение. И берет он русских в плен не для того, чтобы получить выкуп, а с тем, чтобы обменять на своего сына, пленника русской армии. Короче говоря, создатели фильма отрекаются от раннего Толстого, следуя скорее размышлениям Толстого позднего о войне и мире: зачем люди продолжают враждовать, когда есть над ними «высокое небо Аустерлиц»?

Мой первый вопрос Сергею Бодрову:

— Как возникла идея этого фильма?

— Мы не хотим делать вид, что все возникло на пустом месте. Что такое «Кавказский пленник»? Это Пушкин, Лермонтов, Толстой, замечательное стихотворение Арсения Тарковского. Вообще русские на Кавказе — очень интересная тема. Но вы знаете, когда мой бывший студент, а теперь партнер, сценарист Борис Гиллер предложил этот сюжет, Чечни еще не было и в помине. Мне хотелось сделать универсальную историю, которую можно было бы снимать на Корсике, в Индии, или, скажем, в Мексике.

— Но тут вмешалась драматургия жизни...

— Да, в этот момент началась война в Чечне, и мы решили снимать фильм на Кавказе. У Толстого мы взяли в основном имена героев, некоторые коллизии — побег, влюбленность Дины в Жилина, на этом сходство кончается. Толстой писал о том, как чеченцы берут русских в плен, чтобы продать. Вообще чеченец для Толстого, как и для Лермонтова, — обязательно с эпитетом «злой». Я сегодня не могу себе позволить такую трактовку. Мы придумали обмен. К тому же роль Ивана Жилина исполняет мой собственный сын, и это дополнительное обстоятельство придает очень личный характер происходящему. У меня сын в плену, у тебя сын в

плену. Давай попробуем что-нибудь сделать. Мы не доверяем друг другу, мы не любим друг друга — это очень трудно. Если убили моего сына, я должен убить твоего. Законы войны, от них никуда не деться. Но я хотел сделать все же гуманную картину — надо попробовать нарушить эти законы, только этим можно остановить войну. Абдул-Мурат в моем фильме отпускает Ивана. Потому что, к сожалению, в таких войнах никто не побеждает.

— Мне кажется, это самое интересное в вашем фильме — две правды. Есть правда Сашки (Олег Меньшиков), правда солдата, считающего, что он воюет за свою родину, как он ее понимает,

му не чужда патриотическая идея, не случайно он эмоционально во многом держится на русских военных маршах — «Прощание славянки», «На сопках Манчжурии», а Сашке вы даете одну из самых трогательных песен Великой Отечественной — «Синий платочек». Не говоря уже о том, что на роль Сашки вы пригласили Олега Меньшикова, актера, я бы сказала, «легендарного обаяния», который играет очень русский характер...

— (Улыбается). Я не отказываюсь, это русская картина...

— И вы как русский режиссер ощущаете чувство вины за то, что происходит в Чечне?

— Ну, вы знаете, это универ-

сую нас вечность, не мог не удивляться, почему происходят здесь все эти низости...

— Дагестанский аул, который вы снимали, поражает. Такое ощущение, что все здесь сохранилось, как в XIX веке.

— Это не XIX век, это XV-й! Ничего нет от современной цивилизации, кроме телевизора, даже воды нет, и женщины таскают на себе сено, как сотни лет назад. Мы жили в домах, ели, спали так же, как они. И через две недели не выдержали — все начали болеть.

— А как в ауле относились к вашей съемочной группе?

— Замечательно относились. В этом ауле живут в основном пастухи. Простая жизнь, простые понятия о том, что хорошо и что плохо. У нас были нормальные человеческие взаимоотношения. Конечно, они чувствуют себя так или иначе втянутыми в этот конфликт, хотя бы потому, что они полностью изолированы от мира: невозможно туда ни проехать, ни выехать. А раньше туда приезжали отдыхать туристы, и это был один из основных источников дохода. Какой сумасшедший туда сейчас поедет...

— Кто вам рассказывал о реалиях войны? У вас были консультанты?

Иван Жилин — Сергей Бодров-младший.

Абдул-Мурат — Джемаль Сихарулидзе.

и есть правда Абдул-Мурата. В том достоинстве, с которым он себя ведет, в самом выборе величественной фигуры актера — Джемаль Сихарулидзе...

— Да, конечно, именно так... — Так же, как не случайно сын чеченца, который сидит в русской тюрьме, — не мафиози, не дикарь, как его обычно трактует русская пропаганда. Вы показываете его мельком, но этого достаточно, чтобы запомнить его прекрасное, одухотворенное лицо, лицо интеллигента. И профессия у него особая — он учитель. В общем, он не менее симпатичен зрителю, чем Иван Жилин, которого играет ваш сын. Это придает трагический характер конфликту. Трагическая безысходность. Оттого такая захлестывающая эмоция. Как это разрешить? В Каннах зрители выходили после просмотра потрясенные...

— Сейчас, одновременно с Каннами, начались первые просмотры в России, и я просто счастлив тем, что слышал от мусульманских зрителей. В Татарстане, например, они вначале даже слышать не хотели об этой картине, думали, что это будет что-то прорусское. А теперь они хотят эту картину купить и у себя показывать. Ну, а русский зритель... Знаете, русский зритель просто плачет...

— Одновременно вашему филь-

сальная история, она могла произойти везде. Хотя, конечно, когда большая страна воюет против маленькой, у большой страны и ответственности больше. Даже если обе стороны правы или неправы — у большой страны всегда исторически больше ответственности, и она должна сделать первые шаги к миру.

— То есть у вас нет некоего имперского комплекса, что вот, мол, мы теряем то, что наши предки завоевывали потом и кровью?

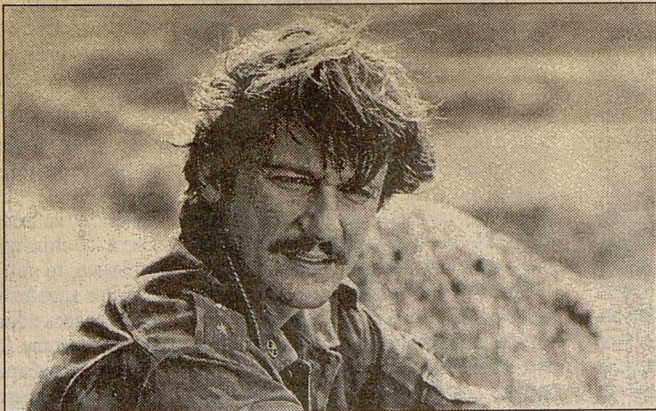
— У меня нет этого ощущения, потому что все империи рано или поздно разваливаются. И теперь это случилось с нашей. Это историческая неизбежность.

— Как бы вы очертили границы — что для вас собственно Россия?

— Знаете, мне повезло. В отличие от многих русских, которые родились в странах, которые теперь больше не Россия, я родился в России, на Дальнем Востоке. Но все равно для меня Россия — это мои друзья, кладбище, где похоронена мама, то есть то, что я могу сохранить вне зависимости от географии.

— Камера Петра Лебешева снимает пейзажи Кавказа, словно любуются постоянно...

— Но это потрясающей красоты место! И я действительно, глядя на эти горы, на окружаю-

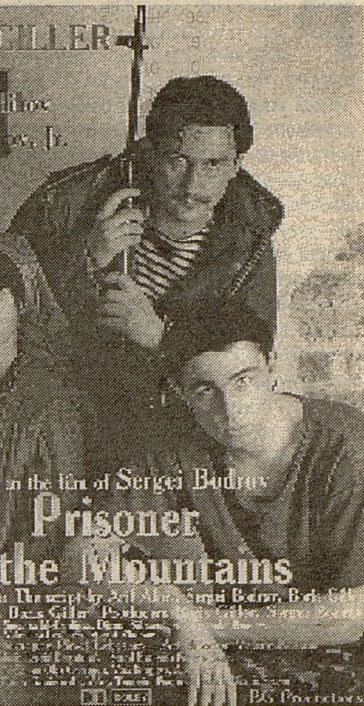

Саша — Олег Меньшиков.

— Но мы ведь не снимали фильм про военные действия! Реальность для меня — это люди. Это для меня самое главное. Хотя у нас были, конечно, военные консультанты.

— Ваш фильм в Каннах, судя по всему, прошел очень хорошо. (Это интервью делалось до того, как стало известно, что «Кавказский пленник» получил две премии.) Получили ли вы интересные предложения о сотрудничестве?

— Много предложений, и здесь, в Каннах, в том числе. Честно говоря, мне все равно, где снимать, в Америке работал и знаю, что я там могу снимать. Одну историю хорошо снять в Китае, другую — в Америке, третью — в России. Все зависит от того, как сложится. Например, у меня сейчас есть маленькая история про цирковых актеров. Я очень люблю цирк. Сейчас практически в каждом цирке есть русские актеры. В американском цирке, в самом большом, — половина русских актеров, в канадском цирке — Слава Полушин. Так что можно сделать фильм, в котором будут заняты и русские, и американцы, и итальянцы. Я люблю универсальные истории...

Сергей Бодров уже несколько лет живет между Москвой и Венецией. Его сын — Сергей Бодров-младший живет в Москве, заканчивает диссертацию по венецианской живописи эпохи Возрождения на искусствоведческом факультете московского университета. Впрочем, зритель «Кавказского пленника» вряд ли догадается, что Сергей — не профессиональный актер и что это его первая роль в кино, настолько полно переживаете им роль Ивана Жилина.

— Как случилось, что вы пришли в этот фильм?

— Честно говоря, я был очень удивлен, когда отец позвонил и предложил мне эту роль. Но почему-то я очень нагло согласился. Потом все оказалось труднее, чем я мог себе представить. Конечно, мне очень помог Олег Меньшиков. Это было для меня очень счастливое партнерство. Но все равно у меня ведь никаких актерских навыков и техники нет. Мне пришлось все лично, эмоционально переживать.

— А почему? Что значит эмоционально переживать? Вас эта тема лично затронула? Вы сострадаете герою? Вы ставите себя в подобную ситуацию? У вас свое личное отношение к чеченской войне?

— Да, конечно. Одно дело, когда читаешь газеты, смотришь репортажи по телевизору, и совсем другое дело, когда сталкиваешься лично. До отъезда на съемки мы встречались с ранеными в госпитале. Они нам что-то рассказывали. Но дело даже не в этом. Просто когда видишь этих молодых ребят, безногих, безруких, естественно, начинаешь ощущать свою ответственность. Какое может быть у меня отношение к этой войне? Как у любого нормального человека — это ужасно, грязно, безумие.

— То есть вы бы не пошли, как ваш напарник по фильму, которого играет Меньшиков, воевать за русскую идею в Чечню?

— Нет, я бы ни за какую идею туда воевать не пошел...

P.S. С Олегом Меньшиковым встретиться не удалось по причине его отсутствия на фестивале в Каннах: по словам пресс-атташе «Кавказского пленника», он был занят исключительно сложными переговорами, связанными с его участием в новом фильме Спилберга.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Канны—Париж

Бодров Сергей (младший)

405